

поцелуй меня
первым

ЛОТТИ МОГАЧ

поцелуй меня первым

Москва
2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М74

Lottie Moggach
KISS ME FIRST

Copyright © 2013 by Lottie Moggach

Перевод с английского *Я. Красовской*
Художественное оформление *П. Петрова*

Школа перевода
В. Баканова

Могач, Лотти.

М74 Поцелуй меня первым / Лотти Могач ; [пер. с англ. Я. Красовской]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Мировой бестселлер).

ISBN 978-5-699-90909-4

У Лейлы умерла мама. Ситуация сама по себе тяжелая, но осложняется еще и тем, что Лейла — человек с особенностями. Ей трудно общаться с людьми, выражать эмоции. Оказавшись один на один с пугающим миром, она все глубже уходит в себя, пока не находит выход — выход в Интернет.

«Красная таблетка», онлайн-клуб для любителей философии, привлекает ее. Она быстро находит друзей и знакомится с харизматичным Адрианом, который предлагает ей рискованное дело — помочь женщине, желающей покончить с собой, уйти на тот свет. И Лейле, если она искренне верит в право человека на добровольный уход, предстоит на это пойти.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Красовская Я.,
перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90909-4

Был вечер пятницы, девятая неделя проекта. В голосе Тессы ничего не изменилось, но, взглянув на ее узкое бледное лицо, я догадалась, что она плакала. Она сидела на кровати, прислонившись к стене, и глядела в потолок. Затем выпрямилась и перевела взгляд в камеру. Прежде я не видела Тессу такой — с пустыми и в то же время испуганными глазами. Такое же выражение глаз было у мамы в последние дни ее жизни.

— Мне страшно, — сказала Тесса.

— Почему? — тупо спросила я.

— Мне безумно страшно, — повторила она и разрыдалась.

Я никогда не видела, чтобы она плакала; вообще-то, по ее собственному признанию, плакала она редко. Как и я. Это нас объединяло.

Она всхлипнула, тыльной стороной ладони отерла глаза и чуть громче произнесла:

— Понимаешь?

— Конечно, — сказала я, что было не совсем так.

Она молча смотрела в камеру.

— Можно тебя увидеть? — внезапно попросила Тесса.

А. Могац

Я подумала, что она хочет встретиться, и напомнила, что мы договорились этого не делать.

— Включи камеру, — перебила она.

— Лучше не надо, — ответила я.

— Мне хочется тебя увидеть, — сказала Тесса. — Ведь ты же меня видишь.

Она глядела прямо в камеру. Слезы почти высохли. Затем Тесса едва заметно улыбнулась, и я почувствовала, что готова уступить, почти сказала «ну ладно», но вместо этого произнесла:

— Нет, не стоит.

Тесса посмотрела в камеру, пожала плечами, запрокинула голову и устремила немигающий взгляд к потолку.

Если честно, то я не хотела, чтобы она обманулась в своих ожиданиях, увидев меня. Да, это звучит иррационально: кто знает, какой она меня представляла, да и вообще... Какая разница? Но я досконально изучила все черточки Тессы, знала наизусть особенности ее мимики. Невыносимо было думать, что при виде меня на знакомом до боли лице мелькнет тень разочарования.

— Я не смогу, — сказала Тесса, не опуская глаз.

— Сможешь.

Она молчала больше минуты, затем тихо и до странности кротко произнесла:

— Давай закончим на сегодня, хорошо? — и, не дожидаясь ответа, завершила вызов.

Послушай меня первым

Должна признаться, что с тех пор я не раз мысленно проигрывала этот диалог.

Скажу только одно: я говорила ей то, что, по моим представлениям, было уместно. Она была расстроена, я ее утешала. Она боялась — впрочем, совершенно естественно. На следующий день она опять была спокойной, вежливой и отрешенной, в ее «нормальном» к тому времени состоянии. О произошедшем мы больше не упоминали.

Несколько дней спустя она посмотрела в камеру, привычно прикоснулась к объективу.

— Тебе еще что-нибудь нужно?

Я надеялась, что мы продолжим общаться до самого последнего момента. Но я также знала, что рано или поздно всему приходит конец.

— Кажется, это все, — ответила я.

Она кивнула, будто соглашаясь с собственными мыслями, и отвела взгляд. Я осознала, что вижу ее в последний раз, и ощутила резкий, сильный выброс адреналина. Меня охватило чувство, похожее на грусть.

— Я так тебе благодарна, — после долгого молчания сказала она. — Прощай.

А. Моисач

Глядя в камеру, она слегка коснулась виска, будто отдавая честь.

— Прощай, — ответила я. — И спасибо.

— За что? — переспросила Тесса.

— Не знаю.

Она рассматривала что-то внизу — свою ногу или край кровати. Я молчала, не отводя глаз от ее длинноватого плоского носа, от линии скул, от паутинки морщинок у губ.

Наконец Тесса подняла взгляд, потянулась вперед и выключила камеру. Вот и все. Больше мы не разговаривали.

*Среда,
17 августа 2011 года*

Здесь невозможно подключиться к Интернету даже через модем.

Я не ожидала, что останусь без связи. Конечно, я попыталась разузнать как можно больше об этом месте, но у коммуны нет собственной веб-страницы, а на других сайтах были только указания, как сюда добраться. На форумах тоже не нашлось никакой практической информации, только пустые комментарии вроде: «Обожаю это место, здесь такая благодать». Я знаю, что в коммуны приезжают для «воссоединения с природой», но, как я поняла, некоторые живут и работают тут длительное время, а то и постоянно, а потому решила, что должен быть хоть какой-то способ подключиться к Сети. В конце концов, Испания — развитая страна.

Что касается местности и пейзажа, должна признать, здесь очень мило. Я поставила палатку на поляне, откуда открывается вид на всю долину. Вокруг огромные горы — зеленые и синие, а ближе к горизонту кажутся серыми. У подножия гор

вьется тонкая серебристая полоска реки. На самых дальних вершинах лежит снег — странное зрелище в такую жару. Сейчас приближается ночь, небо темнеет и спускается темно-синяя мгла.

Одна из местных вырядилась эльфийкой: короткий топ едва прикрывает живот, а сандалии зашнурованы до самых колен. У другой огненно-рыжие волосы скручены по бокам в нечто, по форме напоминающее рога. Много бородатых и длинноволосых мужчин, а некоторые даже носят юбки, как у жрецов в *World of Warcraft*.

Но вообще-то большинство живущих здесь выглядят как попрошайки, сидящие у банкоматов на Кентиш-таун-роуд, разве что лондонские нищие гораздо бледнее. Я думала, что вряд ли буду особенно выделяться: мама всегда говорила, что у меня волосы как у хиппи — длинные, почти до талии, разделенные на прямой пробор, — но я как будто с другой планеты.

Непохоже, чтобы тут работали в поте лица. Все только и делают, что помешивают угли, сидя у костра, готовят чай в немытых кастрюлях с засохшими следами пищи или стучат на барабанах, или мастерят непонятные штуки из перьев и ниток. Коммуной это можно назвать лишь потому, что этих людей объединяет общее стремление ни за что не платить. Даже палатки здесь редкость: почти все спят в обшарпанных фургонах, разрисованных так, что в глазах рябит, или шалашах из полимерной пленки и покрывал. Все без исключения курят, а иметь собаку, по всей видимости, — святая обязанность, но при этом никто за живот-

ными не убирает. Половина моего запаса влажных салфеток ушла на чистку колесиков чемодана.

Что касается удобств... Я не ожидала ничего сверхъестественного, но испытала шок, когда мне указали на небольшой участок за деревьями, рядом с которым висела табличка «Нужник». Обычная яма, ни сидений, ни бумаги; если заглянуть вниз, видны ничем не присыпанные испражнения. После маминой смерти я пообещала себе, что никогда больше не буду иметь дела с чужими выделениями, и решила оборудовать собственное отхожее место в соседних кустах.

Безусловно, каждый имеет полное право жить как угодно, если при этом не ущемляются интересы других. Но чтобы вот так?! Тесса могла поехать, куда ей вздумается. С чего вдруг она решила провести последние дни своей жизни именно тут?

Если, конечно, Тесса вообще здесь была. В Лондоне я практически не сомневалась. Казалось, все сходится. Но теперь я уже не уверена.

И все же, сказала я себе, придется провести здесь неделю и расспросить местных. Этим я и займусь завтра, когда начну обход с ее фотографией. Я уже подготовила легенду, будто ищу подругу, с которой потеряла связь, но знаю, что она приезжала сюда прошлым летом и может все еще находиться где-то в этих краях. Это не так уж далеко от истины.

Сейчас почти половина десятого, но все еще душно. Перед отъездом я, разумеется, ознакомилась с прогнозом погоды, хотя не совсем представляла себе, что такое тридцатидвухградусная жара.

Приходится все время вытирать руки полотенцем, чтобы пот не стекал на клавиатуру.

В августе прошлого года, когда Тесса приехала сюда, было еще хуже — тридцать пять градусов, я проверяла. Впрочем, ей нравилась жара. Тесса выглядела, как здешние обитатели: такие же острые лопатки и ключицы. Она вполне могла бы носить такой же короткий топ, что и женщина-эльф: я помню, в гардеробе Тессы было что-то похожее.

Я откинула полог палатки. Высыпали звезды, и взошла луна, такая же яркая, как экран моего ноутбука. Вокруг все стихло, слышно только жужжание насекомых и, кажется — надеюсь! — гудение электрогенератора где-то неподалеку. Завтра разужаю. Впрочем, если понадобится, у меня есть запасная батарея для ноутбука.

Дело в том, что я придумала себе еще одно занятие: напишу отчет обо всем, что произошло.

В сущности, идею подала Тесса. С первым же письмом она прислала свою «автобиографию», написанную когда-то для психиатра. Хотя там и было определенное количество полезных сведений, Тесса, как всегда, то и дело отклонялась от темы, противоречила сама себе и выражала несвоевременные эмоции по поводу давно прошедших событий. Все это затуманивало суть. Мой отчет будет другим. Я напишу правду о том, что случилось. В газетах полно всякой ерунды об Адриане и «Красной таблетке» — от ошибочных представлений до откровенного вранья. Я достаточно рассказывала полиции, но у них нет всей полноты картины.

Послушай меня первым

По-моему, важно зафиксировать окончательную версию событий.

О некоторых подробностях вообще никто не знает. Например, о Конноре. Да и кому мне о нем рассказывать? Никакого отношения к расследованию он не имеет, полиция вряд ли им заинтересуется. Кому еще? Разве что Джонти, но мне как-то неловко. И потом, даже будь у меня слушатель, я бы не решилась. Всякий раз, как я думала о Конноре — а думала я о нем довольно часто, даже во время всей этой истории с полицией, даже когда была уверена, что меня посадят, — со мной как будто случался приступ аллергии. Подступала сильная слабость, но ненадолго: рассудок отвергал мысль о Конноре, словно пытаюсь защитить меня от неизбежных сильных эмоций. Вот уже девять месяцев, как я не видела Коннора, и, наверное, мне станет лучше, если я объективно и точно изложу ход событий.

Я еще до конца не решила, что сделаю с записями. Наверное, ничего. Публиковать в интернете точно не стану. Я знаю, что среди нас, «молодежи», так принято, но никогда этого не одобряла. Откровенничать, когда тебя не просили, воображать, что подробности твоей жизни кому-то интересны, — бессмысленно и неприлично. Конечно, на форуме «Красной таблетки» мы высказывали собственные мнения, но там совсем другое дело. Рассуждения на философскую тему — не треп, о чем в голову взбредет. Да, некоторые действительно использовали сайт вместо исповедальни, публикуя затянутые рассказы

о своем «пути», об «ужасном детстве», используя сайт как отдушину для вселенской тоски. Такие сообщения я не комментировала. И сама не писала ничего личного. Фактически, кроме Адриана, никто на форуме не знал ни моего возраста, ни того, что я девушка.

Итак, в первую очередь я должна сказать, что Адриан не «охотился» за «подверженными влиянию» и «социально изолированными» людьми, как утверждали газеты. Диана, полицейский психолог, тоже без конца твердила об этом и заметно заволновалась, когда узнала, что после маминой смерти я жила одна. Но, во-первых, я нашла форум «Красной таблетки» спустя три месяца после того, как мама умерла, а во-вторых — я и раньше сидела за компьютером. Да, когда мамы не стало, я проводила больше времени в интернете, но при моей незанятости это естественно.

Возможно, будь мама жива, все сложилось бы по-другому: она вряд ли отпустила бы меня на встречу с Адрианом. Но ведь я могла ей солгать — сказать, что иду к окулисту, или придумать что-нибудь еще и на несколько часов уйти из дома. Я не имела привычки ее обманывать, однако произошедшее научило меня, в числе прочего, что иногда нужно скрыть правду во имя высшего блага.

Итак, невозможно доказать, ввязалась бы я во всю эту историю, будь мама жива, поэтому бесполезно теоретизировать дальше.

Послушай меня первым

Насчет того, что я была «социально изолирована»: действительно, когда я переехала в Ротерхит после смерти мамы, я мало с кем общалась. Мы с мамой всю жизнь прожили в нашем доме в Кентиш-тауне, а новая квартира оказалась совсем в другом районе, где у меня не было знакомых. До переезда в Ротерхит я даже не знала о его существовании. Диана спросила, почему я намеренно выбрала квартиру так далеко от дома. Видимо, это тоже что-то там означало. На самом же деле я оказалась в Ротерхите случайно.

Когда выяснилось, что маме осталось жить не больше года, то мы решили продать дом и купить квартиру, где я поселюсь после маминой смерти. Наше финансовое положение было незавидным: невыплаченная ипотека, долги по кредитным карточкам, и, кроме того, хотя я и ухаживала за мамой вместе с медсестрой, которая приходила каждый день, в последние месяцы пришлось нанять сиделку. Состояние мамы ухудшалось, ее надо было поднимать с кровати, носить в туалет — самостоятельно я с этим не справлялась. Еще мне требовалось найти работу, а так как никакого специального образования я не получила, то записалась на дистанционный курс по тестированию программного обеспечения. Дамиан, сын маминой подруги Мэнди, как раз открыл собственную компанию по тестированию программ, и мама договорилась о внештатной должности для меня, чтобы я могла работать из дома. Но сперва следовало пройти курс обучения. Учиться предстояло по три часа ежедневно — еще одна причина подыскать кого-нибудь мне в помощь.